

ПОДПОЛЬЩИЦЫ МИНСКОГО ГЕТТО

История 100-тысячного Минского гетто — это летопись бесстрашной борьбы и великого героизма. Оно просуществовало 800 дней. Почти столько же в этом лагере смерти за колючей проволокой патриоты вели мужественную борьбу с немецкими оккупантами и их пособниками.

История Минского гетто — это неразрывная часть многострадальной истории Беларуси периода Великой Отечественной войны, истории героической борьбы против нацизма на белорусской земле.

Если истории Минского гетто посвящены десятки книг и множество статей, то роли женщин Минского гетто в борьбе против нацизма посвящена всего одна статья — материал американского историка Барбары Эпштейн под названием «Женщины в Сопротивлении Минского гетто»¹.

В основу данного материала легли фонды Национального архива Республики Беларусь, личный архив Героя Советского Союза М.Б.Осиповой, интервью автора этих строк с узниками и узницами Минского гетто, некоторые опубликованные сборники документов и исследования.

В 1993 г. мужественный и талантливый исследователь Анна Купреева писала: «До настоящего времени замалчивается правда о минском еврейском гетто: именно там разгорались первые искры подпольной борьбы. В минском гетто находилось 50% жителей Минска...»².

У истоков возникновения антифашистского подполья в Минском гетто стояли Лена (Ента) Майзлес, Эмма Родова, Дора Берсон, Нина Лисс³.

¹ Эпштейн Б. Женщины в Сопротивлении Минского гетто // Женщины на краю Европы. Мн., 2003. С. 188—207.

² Купреева Г. Минское гета: схаваная праўда // Беларуская мінуўшчына. 1993. № 2. С. 46—47.

³ Смоляр Г. Мстители гетто. М., 1947. С. 18—19.

В 1995 г. вышла в свет книга «Минскас антыфашысцкае падполле». В ней опубликован список подпольных групп, действовавших в гетто г. Минска в 1941—1943 годах. Следует отметить, что антифашистское подполье состояло из 12 десятков и различных групп. Не которые десятки и группы возглавляли женщины. Так, третью десятку в 1942—1943 годах возглавляла Роза Липская, пятую десятку с начала 1942 по сентябрь 1942 года — Ента Майзлес. Во главе группы по связи с «русским районом» города стояла Хася Пруслина, группы по сбору одежды и помощи узникам гетто — Сара Левина, группы в мастерских гаража СНК БССР — Ципа Ботвинник, группы по сбору одежды и медикаментов — Эмма Родова. В списке участников Минского подполья автор этих строк насчитал 30 узниц Минского гетто. Список лиц, которые проходят по документам Национального архива Республики Беларусь в связи с деятельностью Минского подполья, насчитывает 102 узницы гетто⁴.

Одной из самых активных подпольщиц, подлинной героиней Минского гетто, несомненно, была бывший член бюро Ворошиловского райкома комсомола г. Минска Эмма Родова. Она возглавила молодежное подполье гетто, стала его комсоргом. Теперь уже известно что Эмма Родова родилась в 1920 г. в местечке Старые Дороги Минской области. До войны она работала инструктором Ворошиловского райкома комсомола г. Минска, одновременно являясь членом его бюро

Став узницей Минского гетто, наблюдая, как ежедневно погибают женщины, старики, дети, инвалиды и больные, Эмма Родова начала осознавать, что ждать своей гибели, ничего не делая, бессмысленно. И она вступила в неравную борьбу с нацистами и их пособниками, в том числе и с провокаторами. Эмма стала организатором подпольной комсомольской организации Минского гетто и начала выполнять самые секретные и ответственные поручения партийного подполья гетто и Минского подпольного горкома партии

Ее энергии хватало на все. С риском для жизни Эмма информировала узников гетто о готовящихся облавах и погромах, знала пути и переправляла людей из гетто в партизанские отряды, добывала для них оружие, распространяла сводки Совинформбюро.

Один из руководителей партийного подполья в Минском гетто Григорий Смоляр писал: «В исключительно тяжелых условиях гет-

⁴ Минскас антыфашысцкае падполле. Мн., 1995. С. 35–206.

то успех работы и сохранность руководящих кадров (партийного подполья — Э. И.) зависели главным образом от хорошо налаженной связи. С этой целью мы организовали специальную женскую группу. Все нити внутренней организации были сосредоточены в руках Эммы Родовой. Эта двадцатилетняя девушка, до войны не имевшая никакого представления о подпольной работе, проявила талант и способности прирожденного конспиратора...

Через Эмму Родову, Клару Железняк и „Толстую Клару“ все время поддерживалась связь между руководящими товарищами и секретарями „десяток“ (подпольных групп в гетто — Э. И.), чтобы работа ни на минуту не останавливалась...»⁵.

После гибели секретаря подпольного райкома партии в гетто Михаила Гебелева и получения приказа Минского подпольного горкома партии о том, что Григорий Смоляр должен покинуть гетто и перейти непосредственно под «юрисдикцию» руководства партийного подполья Минска, Эмма Родова фактически становится руководителем партийного подполья в гетто. Это произошло в начале августа 1942 года.

Вместе с Эммой Родовой руководить подпольной работой в гетто оставались еще Роза Липская и Надя Шуссер. Именно эти три женщины теперь должны были вместе контактировать, вместе действовать и, известно же, делать все необходимое, чтобы спасти уцелевших после четырехдневного погрома в конце июля 1942 года минских евреев. 24 сентября 1942 года Эмма Родова была арестована и погибла в тюремных застенках. Несмотря на невероятные, изощренные пытки, она никого не выдала, хотя знала очень многое.

Одной из самых активных подпольщиц была Надя Шуссер. До войны она работала мастером швейной фабрики «КИМ». Еще 24 июня 1941 года она принимала участие в тушении немецких зажигательных бомб на крыше предприятия. Начиная с 25 июня 1941 года, она вместе с подругами пыталась уйти или выехать из Минска, но вскоре убедилась, что до фронта идти нельзя. Пришлось возвращаться в Минск⁶.

Уже в сентябре 1941 года Надя Шуссер организовала подпольную группу из 20 человек, в которую вошли Сима Тейшова, Нина Умань,

---

⁵ «Дополнение к воспоминаниям Анны Семеновны Мачиз (Левинной)». Рукопись. 20.XI.1981 г. // Из архива автора. С. 1—6.

⁶ НАРБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 203. Л. 1.

Роза Гофштейн, Хаим Лифшиц, врачи Сироткина, Соскина, Гурвич и др. В декабре 1941 года Шуссер создала еще одну группу из 15 человек для диверсионной работы на заводе «Большевик». Подпольщики доставали для партизан не только теплые вещи, продукты и соль, медикаменты, типографский шрифт, но и отбирали надежных людей для переброски в лес. Надя Шуссер поддерживала постоянную связь с руководителями подполья гетто Михаилом Гебелевым и Григорием Смоляром. Покинув гетто в июне 1943 года, Шуссер прибыла в партизанский отряд № 106 под командованием Шолома Зорина, где возглавила партийную организацию⁷.

Анна Семеновна Мачиз (Левина) родилась в 1910 г. в Минске. В 1931 г. она окончила Минский юридический институт, а затем работала следователем в органах Прокуратуры БССР и НКВД БССР. В 1939 г. Анна Мачиз была назначена следователем по важнейшим делам Прокуратуры БССР и работала там до начала Великой Отечественной войны. В 1941—1942 гг. — узница Минского гетто и активный участник антифашистского подполья в этом гетто.

В 1943—1944 годах Анна Мачиз — партизанка, начальник особого отдела партизанского отряда № 106, заместитель начальника особого отдела партизанской бригады имени Жукова партизанского соединения Столбцовской зоны Барановичской области. Ее боевые заслуги отмечены орденом Отечественной войны и многими боевыми медалями.

В ее воспоминаниях, датированных 1981 годом, имеются интересные сведения о деятельности руководителей десятков Нади Шуссер, Енты Майзельс, связной с коммунистами русского района, комсомолки Эммы Родовой. В них также есть такие строки: «...Нина Лис вела работу вне гетто, ее снабдили поддельным паспортом белоруски, она формировала людей для отрядов. Дипломатическим курьером была Хася Биндлер. Она поддерживала связи с Юденратом.

Анна (фамилия не установлена), Клара Железняк-Горелик, Берта Либо. Через названных женщин Гебелев держал связь с товарищами из русского района. Они наловчились в условиях страшного террора пробираться за проволоку и подбирать людей для отправки в отряды...»⁸.

---

⁷ НАРБ.Ф. 1. Оп. 4. Д. 2708. Л. 2.

⁸ Смоляр Г. Мстители гетто. М., 1947. С. 40—41.

Ценные сведения о деятельности женщин-подпольщиц, которые жили в Минском гетто и вне его, дают воспоминания Героя Советского Союза Марии Борисовны Осиповой. Она писала, что в оккупированном Минске под ее руководством действовали 9 подпольных групп, которые объединяли до 60 патриотов. Среди них были евреи. Одни из них жили в гетто и были связаны с вышеперечисленными подпольными группами по месту работы, другие, изменив в документах фамилию, имя и национальность, жили в городе.

М. Б. Осипова особо отмечала деятельность Елены Давыдовны Кречетович, Франи Яковлевны Злоткиной и Сарры Хацкелевны Левиной. Из тех, кто жили в гетто, она назвала С. Левину и Ф. Столову. С. Х. Левина была рабочей еврейской колонны. Она ходила на рытье траншей, разбор завалов в городе после бомбежек. С. Левина была переводчицей еврейской колонны, которая работала в городской тюрьме, на складах, в мастерских. Она сообщала сведения о судьбе арестованных подпольщиков. С. Левиной удалось составить список немецких пособников, которые получали со склада дополнительный паек. Встречи с подпольщиками Минска проходили в гетто на квартире Ф. Столовой. Сюда С. Левина приносила медикаменты, полученные сведения из тюрьмы. Связь с гетто продолжалась до осени 1943 года⁹.

Свой вклад в борьбу с нацизмом внесла и участница Минского антифашистского подполья Броня (Бронислава) Борисовна Гофман. Сименом этой женщины связан выпуск в Минске в 1942 г. подпольной газеты «Звезда» — орган Минского подпольного горкома партии. Первый номер «Звезды» увидел свет в мае 1942 г. и имел исключительное значение. Как же создавался этот номер «Звезды»?

Набирал материалы для газеты Борис Пупко — рабочий типографии, которому не разрешалось отлучаться из типографии даже ночью, помогала ему Броня Гофман. Набор они производили в складе для шрифтов, куда гитлеровцы заглядывали крайне редко. И тем не менее риск для обоих был огромный, стоило кому-нибудь случайно зайти в склад и — конец, от фашистской виселицы не уйти...

И все же газета была набрана, а набор переправлен на квартиру отца и сына Вороновых, которые тоже работали в типографии. Их и наборщика Михаила Свиридова, как до этого Пупко и Гофман, при-

⁹ Из личного архива Марии Борисовны Осиповой.

влек к подпольной работе Василий Иванович Сайчик. А они сумели не только перенести на квартиру Вороновых типографскую краску бумагу и все необходимое для печати, но и там же отпечатать газету

Броня Гофман была участницей Минского подполья в августе 1941 — августе 1942 года. Затем ей удалось выйти из города и воевать с врагом в рядах белорусских партизан. Броня Гофман проявила смелость и мужество во многих боевых операциях партизанского отряда имени Дзержинского бригады имени Сталина. Одна из немногих женщин-партизанок этого отряда, она была удостоена такой почетной боевой награды, как медаль «За боевые заслуги».

Одной из героинь, жившей и действовавшей вне гетто, была дочь узницы Минского гетто, 17-летняя подпольщица Маша Брускина повешенная нацистами и их пособниками 26 октября 1941 г.

В 1995 г. в Минске в издательстве «Беларусь» вышла в свет книга «Мінскае антыфашысцкае падполле». В аннотации этого издания отмечается, что в ней дан полный список участников подполья (около 6 тысяч человек), а большинство фамилий (около 80 %) напечатано впервые. К большому сожалению, в этом списке нет девушки, имя которой сегодня известно всему миру, кроме Республики Беларусь. Имею в виду Машу Брускину, которую до настоящего времени экскурсоводы в наших музеях при расшифровке фотографий называю «неизвестной». Кроме многих разнообразных источников, автор этих строк использовал материалы личного дела Маши Брускиной, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Беларусь.

Из литературы о подвиге Маши Брускиной следует выделить статьи Владимира Фрейдина, документальную повесть Льва Аркадьева и Ады Дихтярь «Неизвестная» и «Повесть о Маше Брускиной» Григория Раза, напечатанную в израильской газете «Новости недели» в марте 2000 г.

Рабочий Кирилл Иванович Трус (Трусов) и культработник третей минской больницы Ольга Федоровна Щербачевич в августе 1941 г. организовали подпольную группу по спасению командиров Красной Армии, раненых военнопленных. В группу входил и сын Ольги Щербачевич — 16-летний Владлен (Владимир). Спасая и плена раненых командиров Красной Армии, члены группы передали в лазарет для военнопленных бланки паспортов, фотоаппарат, химреактивы и бумагу для изготовления фотографий, адреса конспиративных квартир. Офицеров, которые вышли из лазарета, прятали, кормили, обеспечивали гражданской одеждой и переправляли в

партизанам или они переходили линию фронта. Некоторые оставались на подпольной работе в городе На квартире О. Ф.Щербацевич хранилось оружие, боеприпасы, медикаменты.

Только за июль—август 1941 г. группа Труса-Щербацевич вывела из больницы 48 человек. 14 октября гитлеровцы гитлеровцы арестовали членов группы и после жестоких пыток 26 октября 1941 г. повесили на улицах и площадях Минска.

Фотоснимки, на которых ведут на казнь и вешают трех подпольщиков, обошли весь мир и вошли в школьные учебники истории, не говоря уже о том, что экспонируются во многих музеях. Активным участником этой группы и ближайшим помощником Кирилла Труса и Ольги Щербацевич стала 17-летняя Маша Брускина. Начали со сбора гражданской одежды и медикаментов для раненых военнопленных, сбора шрифта и фотоаппаратов.

В архиве имеется документ под названием «Подтверждение». Вот его текст:

«Я г-нка Трусова Александра Владимировна подтверждаю, что на фотографии, где изображен мой муж Трусов Кирилл Иванович, девушка с фанерным щитом и подростком перед казнью. Мне известно, что девушка часто бывала у нас на квартире, приносила шрифт и какой-то сверток. Предполагаю, что одежда. Муж называл ее Марией.

Муж инструктировал ее, где и как прятать оружие.

Трусова А. В.

3.1.1968»¹⁰.

В беседе с автором этих строк в марте 1992 г. одноклассница Маши Брускиной, бывшая узница гетто и партизанка бригады имени К. К. Рокоссовского Елена Григорьевна Шварцман (Элькинд) сообщила:

«Я сама родом из Минска. Со второго по седьмой класс я училась в одном классе и дружила с Машей Брускиной. Мы были отличницами. Жили мы тоже недалеко одна от одной. Маша жила с матерью — Люсей Бугаковой. Затем они поменяли квартиру на Сторожевку, и Маша перешла учиться в 28-ю школу.

Накануне Великой Отечественной войны я окончила 9 классов СШ № 8 г. Минска и училась на двухгодичных курсах иностранных языков Минского пединститута им. Горького.

---

¹⁰ НАРБ. Ф. 4386. Оп. 2. Д. 17. Л. 61.

Вновь я встретила с Машей, когда в Минск вошли немцы (в июле 1941 г.). Она была одета в кожанку и волосы были покрашены в светлый цвет (она осветлила волос), скорее всего в целях конспирации, чтобы не жить в гетто. Надо полагать, что она жила по чужому паспорту. Иначе ведь нельзя было жить за пределами гетто.

На немецких листовках писали: «Кто не пойдет в гетто, будет расстрелян» и «Бей жидов — спасай Россию».

До войны не было антисемитизма.

До войны Маша окончила 10 классов СШ № 28. Не помню, о чем мы разговаривали, но заметила, что она со мной говорит осторожно, не открыто, как когда-то. Возможно, она что-то скрывала, может быть свое участие в подполье.

После войны на дезинфекционной станции я работала вместе с заведующей прачечной Долголантьевой, которая в годы войны входила в состав Минского подполья. Однажды я спросила у нее: «Была ли в вашей подпольной группе девушка Маша?». Она ответила: «Была нейкая Мария».

У нас на дезинфекционной станции тоже инструктором работала бывшая подпольщица Валя Татаринцева (Влада Домбровская). Она часто встречалась с своими товарищами по борьбе с фашизмом. И Долголантьева была в этой группе. Валя мне рассказывала, что они приносили гражданскую одежду военнопленным, и те уходили из госпиталя. Я знала, что Маша Брускина работала в госпитале. Скорее всего, она этим тоже занималась.

Маша в гетто не жила, а в «русском районе» Минска (так называли в то время часть города, где жило все остальное население Минска. — Э. И.). Однажды осенью 1941 г. мой отец пришел с работой очень расстроенный и сказал моей матери: «Хайке! Маше гинкт!» (Хайка! Маша висит (повешена)!)» (на идиш). А мама ему ответил: «Тише, тише, чтобы Лена не слышала». Но я слышала, но им ничего не сказала. Мама боялась, чтобы это не повлияло на мою психику.

В то время многие мои сверстники сходили с ума, в том числе мои одноклассницы Гуревич Бэлла и Каган (не помню, как звали ее). Не помню, как я нашла адрес матери Маши, которая жила как будто на улице Замковой в гетто. Скорее всего, этот адрес мне дал моя учительница по грамматике из учительских курсов Шмерлини. Я нашла этот дом. Когда я открыла дверь, Машина мать стояла перед зеркалом (зеркального шкафа) и кружилась, махая руками, как будто танцевала. Когда я это увидела, то очень испугалась, пони

мая, что она сошла с ума. Я убежала и больше никому об этом ничего не рассказывала. Сколько лет прошло, а это мне запомнилось на всю жизнь.

Сразу после войны, когда мы жили по улице Комсомольской, мы пошли в кино в кинотеатр «Победа». Перед фильмом показывали кинохронику. И вот я увидела такой кадр. Открываются ворота, и ведут трех человек на казнь под охраной немцев и собак. Я сразу же обратила внимание на девушку в центре и узнала в ней свою подружку Машу Брускину. Я сказала тогда своему мужу: «Мишенька, смотри. Вот подружку мою ведут!».

Второй раз я увидела ее в Музее истории Великой Отечественной войны на большой панораме у входа в первый зал. А теперь затолкнули куда-то в зал наверху и представили маленькой фотографией.

...Я еще раз смотрю на снимок казни девушки в октябре 1941 г. в оккупированном Минске и уверена на 100 процентов, что это Маша Брускина, в чем и расписываюсь»¹¹.

В архиве имеется свидетельство бывшего одноклассника Маши Брускиной — Менделя Айзиковича Ямника. В нем есть такие строки: «Я с Машей вместе ходил в детсад. Учился вместе в одной школе и в одном классе. Часто вместе готовили домашние задания, участвовали в выпуске школьной стенгазеты. Маша была отличницей учебы, членом бюро школьной комсомольской организации.

...Последний раз я видел Машу в августе 1941 г. Она меня просила помочь достать ей мужскую гражданскую одежду, говорила, что очень нужно. Вскоре я узнал, что Маша повешена. Я знал, что она работала в лазарете медсестрой (она сама об этом говорила мне). Наверное, немцы казнили ее за какую-то патриотическую работу»¹².

На фотографиях Машу опознала Ираида Ивановна Пронько, которая в 1971 г. вспомнила: «С ней мы до войны были в одном кружке Дворца пионеров (драматическом). С ней вместе мы занимались полтора—два года. ...Я хорошо помню, что казненную девушку звали Машей Брускиной. Особенно она похожа на первой фотографии (троих ведут по улице) и четвертой, где она в кадре одна крупным планом на виселице в петле»¹³.

---

¹¹ Из личного архива автора.

¹² НАРБ. Ф. 4386. Оп. 2. Д. 17. Л. 97.

¹³ Там же. Л. 98.

А вот еще один документ из НАРБ:

«Я, Давидович Софья Андреевна, член КПСС с 1929 г., свидетельствую и утверждаю, что девушка, изображенная на фотографии на вкладке перед стр. 105 в книге «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. (Краткая история) Воендата СССР 1967 г. и на стр. 255 учебника «История СССР» для 10-11 классов, изд. в 1965 г. в Минске, это Маша Брускина.

Я узнала ее на фотографиях, хранящихся в Музее истории Великой Отечественной войны. Знала ее хорошо и в жизни, работая с матерью Лией Моисеевной Брускиной в управлении книготоргов. Госиздата Белоруссии с 1937 г. до начала войны, часто видела ее в оккупированном Минске вплоть до ее ареста. Кроме того, видела на виселице на следующий день после казни в 27 октября 1941 г. на улице Ворошилова (ныне Октябрьской). Она была в форменном школьном платье, зеленой шерстяной кофточке и белых носках. Эти вещи по ее просьбе передала ей в тюрьму мать за два дня до казни в моем присутствии. Мать погибла в гетто»¹⁴.

В первом номере литературного ежегодника «Год за годом» 1985-й год опубликована документальная повесть киносценарист Льва Аркадьева и журналистки Ады Дихтярь «Неизвестная».

В ней приведены воспоминания С. А. Давидович о Маше Брускиной: «...Прошло чуть больше месяца (после оккупации Минска немцами — Э. И.) Маша пришла ко мне, — вспоминает Давидович

Она очень повзрослела, даже внешне... От Люси (матери Маши — Э. И.) я уже знала, что ее дочь устроилась в госпиталь для военнопленных, поэтому не удивилась, когда Маша спросила: «Тетя Соня, есть ли у вас какие-нибудь лекарства? Может быть, хоть мажганцовка? В госпитале ничего нет. Раны у бойцов гноятся — прымыть нечем». Я обещала ей лекарства достать и достала.

Потом она спросила — нельзя ли найти где-нибудь мужскую одежду — все, что попадется: пиджаки, брюки, рубашки? Я, конечно, поняла, что и это ей нужно для тех, кто в госпитале. С тех пор она постоянно ко мне заходила. Обычно утром. Каждый раз к ее приходу у меня уже что-нибудь было приготовлено. Я и мои друзья аккуратно, как можно компактнее, заворачивали одежду в свертки или тряпки, и она все уносила.

---

¹⁴ Там же Л. 100

— Еще Маша где-то получала сводки Совинформбюро. Где-то она их слушала или читала переписанные. С кем-то у нее была связь... У нее поинтересовалась, кому она дает сводки и с кем ведет о них разговоры. «Люди встречаются всякие», — предупреждала я ее. Мне Маша ответила, что в госпитале у нее есть один человек, очевидно, офицер, потому что свои к нему обращаются: «товарищ командир», и что он тоже предупреждал ее об осторожности. Маша его называла Володей и мне частенько говорила: «Володя сказал», «Отдала Володе»¹⁵.

Однажды Маша попросила Софью Андреевну достать где-нибудь фотоаппарат. Та догадалась, что это надо для изготовления фотокарточек на новые паспорта для командиров и красноармейцев, лежавших в госпитале. Софья Андреевна отправилась в деревню к своим старым и добрым знакомым и у них в сарае откопала купленный перед войной «ФЭД».

Маша нашла дело и для матери, которая готовила для нее перевязочный материал. Она высветлила перекисью водорода волосы и теперь, совсем не похожая на еврейскую девочку, обязанную жить в гетто, свободно ходила по городу.

Значительный интерес представляет письмо в редакцию газеты «Вечерний Минск» Софьи Борисовны Ботвинник, учившейся с Машей Брускиной в 28-й школе Минска. Она писала: «Когда фашистские орды нагрянули на нашу землю, Маша оказалась в первых рядах борцов против фашистских извергов. Я ее видела в оккупированном Минске. Она шла со своей подругой, фамилии которой, к сожалению, не помню, с высоко поднятой головой. Для того, чтобы ее не могли легко опознать, что она еврейка, Маша перекрасила волосы в светлый цвет. Она мне сказала, что работает в военном госпитале.

Вскоре я узнала, что Машу повесили. Повесили за то, что помогала нашим военнопленным бежать из госпиталя, который охранялся немцами. Да, Маша действительно не стала на колени. ...На снимке в книге «Великая Отечественная война Советского Союза» на вкладке перед страницей 105 в девушке со щитом на груди, на котором написано «Мы партизаны, — стрелявшие по германским войскам» я узнаю Машу Брускину»¹⁶.

¹⁵ Аркадьев Л., Дихтярь А. Неизвестная. Документальная повесть // Год за годом. Литературный ежегодник. 1985. № 1. С. 275—276.

¹⁶ НАРБ. Ф. 4386. Оп. 2. Д. 17. Лл. 102—103.

Депутат Минского горсовета Франц Антонович Липницкий свидетельствовал: «Я... в 1962 г. увидел снимок в газете — казнь троих минских патриотов, да сразу узнал нашу соседку, которую мы называли Машенька. Сразу показала этот снимок соседям Банк М. П., которых она жила до войны. Они сразу тоже узнали ее. То же самое утверждаю по фотографиям, которые показала мне корреспондент всесоюзного радио (скорее всего, речь идет об Аде Дихтярь — Э. И.). На снимках изображена Машенька (фамилию ее до войны я не знал)...»¹⁷.

Среди материалов архива — письмо старшего инженера проектного института «Белгипроводхоз» Веры Израилевны Банк в редакцию газеты «Вечерний Минск» от 5 мая 1968 г. В нем есть такие строки: «...Я лично была знакома с Машей Брускиной, поскольку проживала с ней в одном доме с 1936 по 1941 г. Во время оккупации Минска проживала с ней в одной квартире по Замковой улице...

Помню, как в начале войны Маша пошла работать медсестрой в лазарет военнопленных, который располагался в политехническом институте. Работать она устроилась вместе с выпускницей мед. института Соней, фамилию которой я не помню. Они вместе ходили на работу в этот лазарет и рассказывали, что раненым военнопленным оказывается ничтожная медицинская помощь, раны у них гнили, в ранах заводились черви.

Маша и Соня передавали раненым гражданскую одежду и помогали им бежать из лазарета. Работали они там до сентября 1941 г., так как пропуск на выход из гетто им больше не давали. Через некоторое время, не то в конце сентября, не то в начале октября, к нам во двор на Замковую улицу пришли два человека в гражданской одежде и спросили, где можно видеть Машу Брускину. Она в это время была тут же во дворе и подошла к ним. Больше ее мы не видели. Через некоторое время узнали, что она находится в тюрьме по ул. Володарского.

26 октября 1941 г. Маша была повешена на арке дрожже-паточного завода по ул. Ворошилова. Об этом я узнала спустя два дня после случившегося следующим образом. Мой отец работал мыловаром в артели «Химпром» и в сопровождении полицаи шел на кожзавод «Большевик» за жировыми отходами. Проходя по ул. Вороши-

¹⁷ НАРБ. Ф. 4386. Оп. 2. Д. 17. Л. 104.

лова, он увидел трех повешенных и в центре Машу в зеленом платье и в светлой кофточке. Потрясенный этим зрелищем, он рассказал об этом дома. Мать Маши, невзирая на все опасности, пошла на это место и убедилась, что это была ее дочь. После этого она прожила всего 12 дней, так как погибла 7 ноября 1941 г. во время погрома.

...Снимок, напечатанный в газете, я увидела впервые в 1965 г. и узнала на нем Машу Брускину...»¹⁸.

«Мое свидетельство» — так назвал свое письмо Н. И. Стельман. В нем говорится:

«Я, Стельман Натан Исаакович. С 1932 по 1941 год работал директором 28-й средней школы г. Минска. Я хорошо помню нашу отличницу и комсомольскую активистку Машу Брускину. Я узнал ее на снимке, который помещен перед страницей 105 (фото среднее) в книге «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945» (Военное издательство Министерства обороны СССР). Маша Брускина — в центре снимка, с плакатом на груди, на котором написано «мы партизаны, стрелявшие по германским войскам». 8/ЛХ — 68 г.»¹⁹.

В архиве хранится и письмо двоюродного дяди Маши Брускиной-всемирно известного скульптора Заира Азгура автору статьи «Они не стали на колени» в газете «Вечерний Минск» — журналисту В. А. Фрейдину. Приведем фрагмент этого важного документа:

«Глубокоуважаемый Владимир Абрамович!

Вы заставили вновь пережить давно минувшую печаль. Я вспомнил Машеньку и все эти дни она не выходит у меня из головы и сердца. Не только потому, что она мне родственница, но и потому, что ее детство и юность прошли у меня на глазах. Эти фотографии из картотеки и те, что в экспозиции, убедили меня, что это именно Машенька Брускина, дочь моей двоюродной сестры Лии Моисеевны Брускиной...

Заир Азгур. 11 апреля 1968 г.
г. Минск»²⁰.

Перед нами заключение экспертизы, проведенной криминалистом Главного управления уголовного розыска УВД г. Москвы подполковником милиции Шакуром Гаревичем Кунафиным: «Срав-

¹⁸ ЦАРБ. Ф. 4386. Оп. 2. Д. 17. Л. 105---106

¹⁹ Там же. Л. 114.

²⁰ Там же. Л. 121.

нительному исследованию подверглись фотоснимки женщины, казненной в Минске 26 октября 1941 г. и снимок учащейся 28-й минской школы М. Брускиной, напечатанный в газете «Пионер Беларуси» за декабрь 1938 г. ...Были изучены также письменные и устные свидетельские показания (на магнитной пленке) людей, знавших М. Брускину: соучеников, соседей по дому, близких родственников и отца, жены и дочери Кирилла Труса, казненного вместе с девушкой. Подлинность этих показаний и достоверность описываемых ими фактов не вызывает сомнений.

Поэтому эти показания в совокупности с выводом по криминалистическому исследованию фотоснимков могут служить основанием для вполне определенного вывода о том, что девушка на снимках казни действительно является Машей Брускиной, бывшей ученицей 28-й школы г. Минска.

Эксперт-криминалист Ш. Кунафин»²¹.

Возвращаемся к книге «Минское антифашистское подполье». На стр. 57-й этой книги в списке участников Минского подполья мы найдем Долголантьеву Марию Фоминичну и Домбровскую-Татаринцеву Владиславу (Валентину) Александровну. А ведь Долголантьева признавала, что «нейкая Мария», а скорее всего Маша Брускина входила в состав их подпольной группы. Трагизм ситуации состоит в том, что руководители подпольной группы, все боевые соратники и соратницы Маши, ее подруги по подполью погибли от рук гитлеровцев и их пособников.

Нельзя не согласиться со следующими словами Лины Торпусман из Иерусалима: «Маша была одним из двенадцати бойцов минского подполья, повешенных нацистами 26 октября 1941 г., во время первой показательной казни на оккупированной территории Советского Союза. Имена всех казненных установлены и признаны Белоруссией. Всех, кроме Брускиной. Несмотря на свидетельские показания восемнадцати человек, среди которых многие — участники войны и подполья.

И сейчас спустя шестьдесят лет после казни Маши, «ученые» Белоруссии (типа К. И. Доморада — Э. И.) продолжают следовать давней установке ЦК партии — девушка, с несокрушимой твердостью идущая на казнь, по-прежнему безымянна. Для признания

---

²¹ Аркадьев Л., Дихтярь А. Незвестная. С. 306.

спасителя «Праведником народов мира» мемориалу «Яд ва-Шем» достаточно двух свидетелей. Белоруссии недостаточно и восемнадцати, если речь идет о еврейке»²². К последнему предложению следует, на мой взгляд, добавить такие слова «и заключения независимого, авторитетного экспертакриминалиста». О бессмертном подвиге Маши Брускиной и ее боевых товарищах писала всесоюзная газета «Труд», республиканская — «Знамя юности», городская — «Вечерний Минск», не говоря уже о зарубежных изданиях.

В Национальном архиве Республики Беларусь хранится «Представление» на БРУСКИНУ Марию Борисовну, члена ВЛКСМ, выпускницу средней школы № 28 города Минска. Оно адресовано Центральному Комитету КП Белоруссии и подписано главным редактором всесоюзной профсоюзной газеты «Труд» А. Субботиным и редактором газеты «Вечерний Минск» Г. Лысовым. В этом интересном документе есть такие строки: «26 октября 1941 г. гитлеровские оккупанты публично казнили на улицах Минска группу подпольщиков. История сохранила несколько снимков, запечатлевших казнь советских патриотов — мужчины, подростка и девушки. Двое из них — коммунист Кирилл Иванович Трус и школьник Владлен Щербацевич. Имя девушки до последнего времени оставалось неизвестным. Эти фотографии вошли в историю Великой Отечественной войны как свидетельство беспримерного мужества и стойкости минчан перед лицом озверевшего фашизма, были опубликованы во многих странах мира, демонстрировались в фильмах «Обыкновенный фашизм» и «Казнен в сорок первом». И всюду девушка значилась Неизвестной.

...Все это дает основания утверждать, что Мария Брускина была связана с группой К. И. Труса и О. Ф. Щербацевич, принимала активное участие в сопротивлении оккупантам. ...Жизнь, учеба, пионерская и комсомольская деятельность Марии Брускиной, суровое испытание, с честью выдержанное ею в грозном 41-м, являются ярким примером для молодежи и достойны быть увековеченными. Считаю, что славная дочь белорусского народа Мария Борисовна Брускина заслуживает высокой правительственной награды...»²³.

---

²² Горлушман Л. «Маша» // «Еврейский камертон» (Израиль), 23 марта 2000 г.

²³ НАРБ. Ф. 4386. Оп. 2. Д. 17. Л. 59—60.

ЦК Компартии Беларуси дал задание Институту истории партии при ЦК КПБ разобраться с этим делом и высказать свое мнение. В Национальном архиве Республики Беларусь хранится сообщение заведующего сектором партархива Института истории партии при ЦК КПБ В. Давыдовой на имя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП Белоруссии Кузьмина А. Т. от 29 ноября 1968 г.

В нем говорится: «Сообщаем, что 12 июня 1968 г. в партийный архив из редакции газеты «Вечерний Минск» поступило письмо и отзывы, собранные редакцией после опубликования в газете фотографии группы участников минского подполья, которых ведут фашисты на казнь 26 октября и статья к ней «Они не стали на колени». Эта фотография многократно публиковалась ранее в союзных и республиканских изданиях, на протяжении многих лет экспонируется в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны. При публикации этого снимка в газете было высказано предположение о том, что в группе конвоируемых на казнь была Маша Брускина.

Все письма и отзывы составлены в апреле—мае 1968 г. В большинстве из них рассказывается о довоенном знакомстве с М. Брускиной. В некоторых авторы утверждают, что на снимке они опознали М. Брускину. Однако никаких сведений о подпольной деятельности М. Брускиной в июле—августе 1941 г. в Минске в письмах и отзывах не приводится. В письмах имеется много противоречий, необоснованных утверждений, что не дает оснований принять их как достоверные документальные источники. Несмотря на то, что в партархиве имеется достаточно сведений о деятельности подпольной группы К. И. Труса и О. Ф. Щербацевич, участники которой казнены 26 октября 1941 г., никаких данных (ни прямых, ни косвенных) об участии в подполье М. Брускиной не имеется...»²⁴.

В конце сообщения сказано, что эксперты отказались решать вопрос о сходстве М. Брускиной и Т. Горобец, изображенных на представленных фотографиях из-за их низкого качества. В действительности, в первый раз эксперт Ш. Г. Кунафин отказался делать какое-либо заключение об идентичности фотографий Маши Брускиной. Таким образом, Институт истории партии при ЦК КПБ, а за ним и ЦК КПБ полностью проигнорировал опознание 18 (всеми ав-

---

²⁴ Там же. Л. 19—20.

горами писем, а не «некоторыми» — Э. И.) авторитетными свидетелями на снимке Маши Брускиной. Есть основания считать, что В. Давыдова дала сообщение в ЦК по предварительному указанию.

Прошло почти 30 лет. 21 октября 1997 г. Американский мемориальный комплекс «Холокост» посмертно наградил Машу Брускину Медалью Сопротивления со следующей формулировкой «Маше Брускиной. Присуждено посмертно в память о ее мужественной борьбе со злом нацизма и стойкости в момент последнего испытания. Мы всегда будем помнить и чтить ее». Эта Медаль передана на хранение Л. Аркадьеву и А. Дихтярь.

Чуть раньше Гамбургский институт социологии организовал передвижную выставку «Уничтожающая война. Преступления вермахта с 1941 по 1944 годы». В апреле 1997 г. эта выставка экспонировалась в муниципалитете Мюнхена. Среди 80 тысяч горожан, посетивших выставку, была и журналистка Бригита Мелер. Неожиданно ее взгляд приковала фотография казни, снятая в Минске 26 октября 1941 г. На ней был запечатлен момент, когда немецкий офицер набрасывает петлю на шею молоденькой девушке. Дрожь прошла по телу Бригиты Мелер: в стоящем рядом с палачом немецком офицере она узнала своего отца — Карла Шейдемманна. Он погиб в 1943 г., участвуя в операции по уничтожению жителей одной из подожженных оккупантами белорусских деревень. Во время войны Бригита была маленькой. Но сохранились фотографии отца в офицерской форме, благодаря которым она узнала его и на этом зловещем снимке.

И вот в германской газете «Зюддойче Цайтунг» 5 апреля 1997 г. была опубликована статья Бригиты Мелер «Мой отец — военный преступник». Так через пятьдесят шесть лет трагедия 17-летней еврейской девушки из Минска Маши Брускиной бумерангом вернулась к дочери немецкого палача Карла Шейдемманна²⁵.

В тот трагический день 26 октября 1941 г. нацистами и их пособниками — литовскими коллаборационистами была повешена еще одна патриотка — Соня Идельсон. О ее подвиге писали московская журналистка Ада Дихтярь и израильский журналист Цви Раз. О связи Сони Идельсон с Машей Брускиной упоминается и в документальной повести «Неизвестная».

---

²⁵ Раз Г. Повесть о Маше Брускиной // Еврейский камертон, 23 марта 2000 г. С. 9.

К началу Великой Отечественной войны Соня Идельсон блестяще закончила четыре курса Минского мединститута. Несмотря на молодость (ей в июне 1941 г. было 22 г. — Э. И.), она успела проявить себя талантливым ученым. Ее статьи, написанные в соавторстве с профессором Давидом Моисеевичем Голубом, получили высокую оценку ученых-медиков.

Оставшись в оккупированном Минске, Соня старалась по-своему бороться с врагом. Возвращение в строй выздоравливающих раненых командиров Красной Армии стало для нее профессиональным и патриотическим долгом. Соня вместе с родителями поселилась в гетто в квартире Веры Банк. Вот таким образом Соня Идельсон познакомилась с Машей Брускиной. Выздоровливающих военнопленных они спасали, доставая гражданскую одежду и новые паспорта.

Один из спасенных — Борис Рудзянко выдал Соню Идельсон и Машу Брускину. В сентябре 1941 г. они оказались в тюрьме по улице Володарского вместе с Ольгой Щербацвич другими подпольщиками, выданными предателем. После жестоких пыток Машу Брускину, Соню Идельсон вместе с другими подпольщиками публично повесили 26 октября 1941 г..

Если Маша была повешена на воротах Минского дрожжевого завода по улице Ворошилова, то Соня — на территории сквера на Площади Свободы.

Патриотическая деятельность Маши Брускиной и Сони Идельсон достойны того, чтобы их именами были названы новые улицы или площади города Минска.

К сожалению, надо признать, что до сих пор, спустя более 60 лет после окончания Великой Отечественной войны, подвиг Эммы Родовой, Маши Брускиной, как и многих других руководителей и активных участников антифашистского подполья в Минском гетто не увековечен. Им, как говорится, «не хватило орденов и медалей». Подвиг героинь Минского гетто должен быть оценен по достоинству, а их имена увековечены в названиях улиц или площадей Минска.